

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

УДК 94(470.5)"1918/1919"

ПРОБЛЕМА «ДВОЕВЛАСТИЯ» НА УРАЛЕ В УСЛОВИЯХ РЕЖИМА А. В. КОЛЧАКА (ДЕКАБРЬ 1918 Г. – АПРЕЛЬ 1919 Г.)

П. Я. Домовитова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
domovitova@yandex.ru

Рассматривается система органов местного управления в Пермской губернии в период установления власти А. В. Колчака. В условиях военного положения общество было дезорганизовано и таило в себе потенциальную опасность для центра. Опасаясь социальных волнений, Верховный правитель обратился к практике императорской России по созданию генерал-губернаторств на проблемных территориях. Эти административные образования получили название краев. В итоге в регион были назначены два руководителя с одинаковыми полномочиями – управляющий губернией и Главный начальник края. Первый подчинялся Омскому правительству, второй – Верховному правителю. При этом у обоих была фактически одинаковая функция – охрана общественного порядка. В определенном смысле такую политическую ситуацию вполне можно считать двоевластием. Исходя из анализа можно назвать сложившуюся политическую систему коалицией или диархией.

Ключевые слова: Колчак, Гражданская война, Пермская губерния, Уральский край, двоевластие.

Формирование публичной власти на местах являлось важнейшей задачей государственного строительства на освобожденной от большевиков территории. На Урале, особенно в западной его части этот процесс проходил в условиях боевых действий. Поэтому на территории Пермской губернии был введен режим военного положения, который и определял политику в регионе.

Первые попытки анализа режима А. В. Колчака относятся к периоду Гражданской войны¹. С появлением в 1920 г. Истпарта исследования стали принимать более научный характер. Истпарт официально закрепила главенство марксистско-ленинской методологии. В период сталинизма все исследования новейшей отечественной истории, в том числе изучение Гражданской войны ограничивалось рамками «Краткого курса истории ВКП(б)». Политические режимы антибольшевистских правительств практически не рассматривались. Во второй половине 1950-х гг. начался новый период в историографии колчаковского режима, связанный с XX съездом партии и развенчанием культа личности И. В. Сталина.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. появляются работы, посвященные Гражданской войне на Урале. Они принадлежат свердловским, пермским и челябинским ученым: О.А. Васильевскому, И.Ф. Плотникову, Я.Л. Ниренбургу, И.Я. Горовому, И.С. Капцуговичу, А.П. Абрамовскому. Рассматривая режим А. В. Колчака на уральском материале, эти авторы продолжали изучать темы антинародной политики колчаковского правительства и белого террора³. Своего рода итоговым исследованием режима А. В. Колчака в советский период можно считать труды Г. З. Иоффе⁴.

Однако наиболее полный анализ антибольшевистских правительств осуществлен в постсоветский период. В частности екатеринбургский историк И.Ф. Плотников внес серьезный вклад в изучение истории Урала в годы Гражданской войны. Он составил одну из самых полных биографий А. В. Колчака, в которой довольно подробно рассмотрел политический режим Верховного правителя⁵.

В указанный период начинают активно изучаться вопросы государственного строительства на территориях, занятых антибольшевистскими силами, появляются историко-правовые исследования антибольшевистских правительств⁶, ставятся проблемы взаимоотношения гражданских и военных властей⁷. Тем не менее крупных работ, посвященных политическому режиму А.В. Колчака на Урале, довольно мало. Как правило, этот режим рассматривается в контексте Гражданской войны⁸. В ряде статей освещается система управления. В Перми выходит ряд статей, анализирую-

щих отношения органов центральной власти с местным самоуправлением⁹.

Довольно много внимания в российской историографии было уделено военной власти и органам местного самоуправления. Органы центральной власти на Урале изучены в меньшей степени. Во многом это связано с тем, что в архивах сохранилось больше информации о деятельности дум и земств. Кроме того, система органов местного управления была довольно запутанной, особенно на территориях, где был введен режим военного положения. Вместе с гражданскими властями на местах действовали военные. Контролировали политическую ситуацию и чиновники, назначаемые центром. Функции всех этих управленцев очень часто переплетались, что рождало бюрократическую путаницу и административные сложности. Например, в Пермской губернии были два руководителя, функции которых были фактически идентичны. Можно ли в данной ситуации говорить о двоевластии?

Одним из первых понятие «двоевластие» употребил Л.Д. Троцкий применительно к политическому режиму, сложившемуся после Февральской революции 1917 г. Тогда одновременно были образованы Временный комитет Государственной думы и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. По мнению Л.Д. Троцкого, такой режим «возникает лишь из непримиримого столкновения классов, поэтому возможен только в революционную эпоху и образует собою один из ее основных элементов» [Троцкий, 1997, с. 215]. С этой точки зрения двоевластия на колчаковском Урале не было, ведь и главный начальник края, и управляющий губернией представляли интересы одного класса.

А.С. Ахиезер дает такое определение двоевластия: «форма, особый фокус дезорганизации общества, ее результат и одновременно очаг ее защиты от возможных попыток повысить уровень организованности общества»¹. Он вообще считает двоевластие практически постоянным явлением в истории России на всех уровнях власти, в том числе на местном. Причина этого в том, что центральная власть не смогла «сформировать сбалансированный механизм интеграции, расширяющийся на гигантские пространства». Это выразилось в гипертрофии административных методов интеграции [Ильин, Ахиезер, 1997, с. 34]. По мнению Г.Л. Соболева, двоевластие – это крайне болезненное явление, подрывающее основы функционирования управления государством. Оно также возникает на всех уровнях [Соболев, 1995, с. 104]. Н.С. Розов выделяет два значения термина двоевластие: конфронтация и коалиция. Последнее, пожалуй, корректнее назвать диархией, т.е. системой двойного управления.

Попробуем установить, какое же политическое явление имело место в Пермской губернии с декабря 1918 по апрель 1919 г. Для этого обратимся сначала к структуре власти в Омске. В советской историографии часто ошибочно утверждалось, что Омское правительство возглавлял сам А.В. Колчак, однако это совсем не так. У правительства был председатель, т.е. премьер-министр. Сначала этот пост занимал П.В. Вологодский, затем – В.Н. Пепеляев¹⁰.

Согласно Положению о временном устройстве государственной власти в России, утвержденному Советом министров 18 ноября 1918 г., Верховному правителю принадлежало осуществление верховной государственной власти. «Все проекты законов и указов рассматриваются в совете министров и, по одобрении их оным, поступают на утверждение Верховного правителя», – говорится в документе. То есть формально в Омске было разделение властей: А.В. Колчак представлял собой законодательную ветвь, а правительство — исполнительную. Вместе с тем многие из тех, кто был лично знаком с Колчаком, отмечали, что он был неискушенным политиком. «Адмирал, по видимому, очень далек от жизни... даже хуже того: он напичкан, и как добросовестный человек, очень усердно напичкан тем материалом, который ему всучили...; сразу видно, что многое ему напето с чужого голоса... По внутренней сущности, по незнанию действительности и по слабости характера он напоминает покойного императора», – писал о Верховном правителе военный министр его же правительства А. Будберг [Будберг, 2001, с. 212]. Однако ряд членов Омского правительства, в частности В.Н. Пепеляев, были весьма опытны в политических интригах, которые вряд ли могли способствовать становлению сильной и эффективной власти.

Теперь посмотрим, как эта ситуация проецировалась на Пермскую губернию.

Утверждая свою власть на Урале, А.В. Колчак провел реформу административно-территориального деления. Согласно постановлению Совета министров от 10 декабря 1918 г. на территориях, отделяющих Белую Сибирь от Красной России, были созданы два края: Уральский и Самаро-Уфимский [Освобождение России, 1919, 15 февр.]. Начальнику Уральского края была под-

чинена Пермская губерния. Таким образом, на одной территории существовали сразу две административные единицы. Правда, край был образован до того, как Пермская губерния была освобождена от большевиков, – в момент подписания указа о назначении главного начальника края ожесточенные бои шли в ее западной части. В дальнейшем завоеванные территории Предуралья присоединялись к Уральскому краю.

Реформа не означала упразднение такой административной единицы как губерния. Губернии, существуя самостоятельно, входили в состав краев, так же как в современной России регионы входят в состав федерального округа. Хотя более уместным будет сравнить край с генерал-губернаторством в царской России. До революции 1917 г. генерал-губернаторства образовывались на завоеванных и присоединенных к государству территориях, на окраинах, а также на территориях, где проблема борьбы с врагами самодержавия стояла особо остро или возникали кризисные явления общенационального масштаба. Принцип сочетания на проблемных территориях губернского и генерал-губернаторского деления позволял совмещать оперативное управление с функциями общего надзора и контроля.

В соответствии со сказанным главный начальник края исполнял функции генерал-губернатора. Главные начальники, «являясь высшими представителями верховной власти на местах, подчиняются исключительно и непосредственно Верховному правителю. К Главным начальникам края в районе их действия переходят все права по гражданскому управлению. Всем военачальникам, находящимся в районе действия Главных Начальников Края, вменяется в обязанность оказывать Главным Начальникам Края полное и всемерное содействие, незамедлительно выполняя все распоряжения их по обеспечению общественного порядка и законности, и все требования их о наряде воинских команд» [Освобождение России, 1919, 15 февр.]. Должность главного начальника края была временной, связанной с существованием чрезвычайных обстоятельств. Что касается конкретных полномочий, то приказ Верховного правителя отсылает нас к приложению к Общему учреждению губернскому Свода законов Российской империи 1903 г. Согласно этому приложению главной обязанностью генерал-губернатора (а следовательно, и главного начальника края) было сохранение общественного порядка в условиях военного времени. Такое широкое понимание обязанностей предполагало право наказывать за незначительные проступки (серьезные нарушения рассматривал военный суд), утверждать приговоры трибунала, воспрещать собрания, закрывать торговые заведения, приостанавливать деятельность местного самоуправления, периодических изданий и учебных заведений, высылать отдельных лиц из губернии, накладывать арест на имущество [Свод законов Российской империи, 1903].

Шестнадцатого декабря 1918 г. Верховным правителем была утверждена должность главного начальника края. На этот пост в уральском регионе был назначен горный инженер С. С. Постников [ГАПК. Ф.р.-656. Оп. 1. Д.12. Л. 12]. Постановлением Совета министров от 20 декабря 1918 г. он должен был упразднить «органы Управления Областного правительства Урала, сим последним учрежденные». Порядок упразднения отдавался на усмотрение главы края [ГАПК. Ф.р-746. Оп. 2. Д. 1. Л. 32]. Приказом от 3 января 1919 г. С.С. Постников упразднил Главное управление земледелия и государственных имуществ Временного областного правительства Урала. По всем делам, входящим в компетенцию названного учреждения, теперь надлежало обращаться в Пермское управление земледелия и государственных имуществ.

В телеграмме от 22 января 1919 г. начальника Уральского края С.С. Постникова на имя заместителя управляющего Пермской губернией М.В. Кукаретина был изложен порядок решения общих и кадровых вопросов. Вариант разрешения наиболее важных проблем должен был предварительно согласовываться с начальником Уральского края, а утверждение должностных лиц производилось министром внутренних дел по его же докладу [ГАПК. Ф.р-746. Оп. 2. Д. 1. Л. 7].

В Российской империи генерал-губернаторов назначали только из числа военных. А. В. Колчак тоже следовал этой традиции, ставя во главе Самаро-Уфимского края генерал-майора Е. К. Вишневого. Однако главным начальником Уральского края адмирал назначил гражданское лицо. Таким образом, формально все управление региона сосредоточивалось не у военных, а у гражданских властей, несмотря на непрекращающиеся бои. Формально глава Урала стоял над военными. Кроме того, сам С. С. Постников подчеркивал и пытался донести до населения то, что его полномочия отличаются от полномочий военных и никак с ними не пересекаются. «Все учреждения и лица обязываются по делам, до гражданского управления касающимся и входящим в их компетен-

ции подчиненных органов местного и губернского управления, обращаться только ко мне как Главному начальнику края и отнюдь не утруждать военные власти рассмотрением ходатайств и просьб по этим делам, ведению их не подлежащим, памятуя, что на них лежат исключительные по тяжести заботы собирания государства и уничтожения его врагов», – говорится в приказе главного начальника края [ГАПК. Ф.р-746.Оп. 2. Д. 1. Л. 10].

Необходимо отметить, что С. С. Постников был горным инженером. Можно предположить, что, назначая его на пост главного начальника Уральского края, Верховный правитель, во-первых, создавал определенный имидж своей власти, позиционируя ее как экспертное управление, во-вторых, давал возможность расценивать это назначение как намерение развивать промышленный потенциал региона и использовать Пермскую губернию не только как плацдарм для дальнейшего продвижения войск Сибирской армии. Во время своего визита в Пермь Верховный правитель подчеркивал это в своей речи о сельском хозяйстве: «На Урале аграрный вопрос связан с металлургической горной промышленностью. Земля, являясь, прежде всего фактором сельского хозяйства, в то же время является здесь и фактором промышленности. И в тех случаях, когда интересы металлургической промышленности будут стоять в противоречии с интересами сельского хозяйства, Правительство решит вопрос так, чтобы было удовлетворено и крестьянство, и были решены сложные задачи промышленности, имеющей общегосударственное значение» [Свободная Пермь, 1919, 21 февр.]. Современники отмечали высокий профессионализм С.С. Постникова и считали его назначение удачным решением. «Как горный инженер, долгое время главноуправляющий Богословского округа на Урале, он хорошо знал Урал, его быт и население, и не мог не считаться с местным общественным мнением», – писал в своих мемуарах Л. А. Кроль [Кроль, 1921, с. 71].

Одной из важнейших сфер деятельности главного начальника Уральского края была промышленность. Приказом С.С. Постникова после упразднения главного управления горных дел Урала было восстановлено Уральское горное управление [ГАПК. Ф.р-656. Оп. 1. Д. 8. Л. 1]. Его важнейшей задачей было решение вопроса о денационализации горнопромышленных предприятий Урала. Так как большинство владельцев не предъявили свои требования на собственность, приходилось назначать уполномоченных по управлению частными округами и заводами. Согласно приказу главного начальника края золотоплатиновые предприятия управлялись исключительно владельцами, их уполномоченными или уполномоченными правительства. Никакие старательские комитеты, кредитные товарищества, волостные земства и другие учреждения и лица не имели права вмешиваться в дела владельца прииска [ГАПК. Ф.р-656. Оп. 1. Д. 8. Л. 20].

Немаловажным было то, что С.С. Постников сам был уроженцем Пермской губернии. Дореволюционная власть, впрочем, как и большевистская, предпочитала ставить во главе региона чиновника, никак не связанного с ним. Это делалось для того, чтобы губернатор или генерал-губернатор находился в большей зависимости от центра и на них не могли оказывать давление местные элиты. После революции 1917 г. Временное правительство, подталкиваемое необходимостью опереться на самодеятельность местного общества, поменяло принцип назначения глав регионов: губернские комиссары назначались из местных общественных деятелей и по рекомендациям местных общественных организаций. Это были люди, знавшие местные условия и людей, имевшие общественный авторитет, который способствовал престижу власти и меньшей зависимости от центра.

Помощником и заместителем главного начальника Уральского края стал военный. Приказом от 17 декабря 1918 г. эту должность занял командир 1-го Екатеринбургского уланского полка полковник С.А. Домонтович. Он был уполномоченным командующего Сибирской армией по охране государственного порядка и общественного спокойствия. Это назначение вполне соответствовало режиму военного времени.

Сам С. С. Постников критиковал действия военных на территории Уральского края. Он не скрывал свою позицию от Верховного правителя. Когда тот приехал с официальным визитом в Екатеринбург 16 февраля, в своей приветственной речи главный начальник края отметил, что деятельность правительства направлена главным образом на удовлетворение нужд фронта, тут же добавив, что Омское правительство не прекращает заботиться и о нуждах государственного хозяйства и населения [Хандорин, 1998, с. 127].

Весной главный начальник края высказывался более решительно. Одной из причин своей отставки С.С. Постников назвал диктатуру военной власти. Среди причин отставки было и отсут-

ствие продовольствия в крае. «Военные власти до самых младших распоряжаются в гражданских делах, минуя гражданскую непосредственную власть. Расправа без суда, порка даже женщин, смерть арестованных "при побеге", аресты по доносам, передача гражданских дел военным властям, преследования по кляузам и доносам, а начальник края... может быть только свидетелем происходящего. Мне не известно еще ни одного случая привлечения к ответственности военного, виновного в перечисленном. Уполномоченный по охране и военный контроль действуют независимо от начальника края. Военные, не знающие ни Урала, ни промышленности, разбирают сложные промышленные вопросы, критикуют специалистов. Транспорт исключительно в руках военных, ни за что не считающих надобности населения. Продовольствия на среднем и северном Урале нет, потому что железные дороги его не перевозят. Между тем, в 250 верстах, в Шадринске, лежит готового хлеба 100 вагонов... Ни на одно обращение в министерство торговли и промышленности мы не получаем ответа... По рабочему вопросу каждое ведомство действуют по-своему, почему трения идут все время. Штаты по инспекции не утверждены три месяца, а при таких условиях идти в инспекцию никто из основательных лиц не желает. Земельный вопрос остается в рамках газетных сообщений, и определенные ответы давать населению нет возможности...

Никто спокойно не работает: все опасаются преследований. Торговцы, не спекулянты, отказываются вести дела, потому что в этой атмосфере и их замешают в спекуляции. Не смотря на запугивание, спекулянтов военные не поймали, а других от торговли отодвинули...

Руководить голодным краем, удерживаемым в скрытом спокойствии штыками, не могу. Не могу бороться с военной диктатурой. Не могу изменить порядок хода дел в Омске. Для этого не призван и не компетентен» [Гинс, 2007, с. 169].

Таким образом, представитель Верховного правителя в Уральском крае отмечал, что территория используется военной властью как плацдарм для дальнейших наступлений, а восстановительная политика в регионе практически не ведется.

Как пишет Л.А. Кроль, после письма С.С. Постникова из Омска посыпались предписания и угрозы в адрес военных. Один из офицеров, некий капитан Зотов, был даже предан военно-полевому суду за расстрел в Нижнем Тагиле. Суд приговорил его к смертной казни, которая впоследствии была заменена двадцатилетней каторгой. «А через несколько дней... Зотов разезжал на лихачах по городу и весело разьяснял знакомым, что ему теперь некогда идти на каторгу, теперь – война, ему надо на фронт. А вот кончится война, тогда он и пойдет на каторгу» [Кроль, 1921, с. 170].

Несмотря на введение должности главного начальника края, институт губернских комиссаров, учрежденный Временным правительством, сохранился. При его восстановлении за основу были взяты нормативная база и практика, сложившиеся при Временном правительстве в 1917 г. Организационно-правовой статус комиссаров определяло Положение о губернских комиссарах от 19 сентября 1917 г. Согласно ему комиссары являлись представителями правительства в губерниях и уездах, осуществляли надзор за исполнением законов, правительственных постановлений и распоряжений. Большинство полномочий губернских (областных) и уездных комиссаров было связано с административно-политической деятельностью [Звягин, 2001, с. 145]. Комиссары не только исполняли законы и правительственные распоряжения, решали конкретные задачи управления, но и обеспечивали безопасность существующей государственной власти.

Восстановление действия указанного акта Временным Сибирским правительством привело к возникновению непростой в правовом отношении ситуации. Дело в том, что этот документ был основан на идее передачи власти на местах земствам. Он предусматривал сохранение за комиссаром лишь функции надзора за законностью деятельности государственных учреждений и органов самоуправления. Но, так как в тексте документа комиссар определялся как «представитель правительства», эта формулировка была истолкована Сибирским правительством в смысле наделения комиссара (в масштабе данной местности) «правительственными» полномочиями. Таким образом, комиссары становились полновластными руководителями подчиненных им территорий.

Постановлением Временного Сибирского правительства от 15 июля 1918 г. комиссары были наделены не только дополнительными властными полномочиями, но и реальной силой: в районах, объявленных на военном положении министром внутренних дел, им стала подчиняться милиция, находившаяся до этого в ведении органов местного самоуправления. Второго августа 1918 г. Совет министров Временного Сибирского правительства временно передал милицию в ведение МВД в

лице губернских и областных комиссаров. Постановлением Административного совета Временного Сибирского правительства от 17 сентября милиция окончательно перешла в ведение МВД.

Согласно статье 38 Временного положения о сибирской милиции, утвержденного 17 сентября 1918 г., начальник губернской милиции непосредственно подчинялся губернскому (областному) комиссару. Статья 39 Временного положения обязывала начальника уездной милиции исполнять все законные требования и поручения уездного комиссара. В свою очередь, на главу губернской администрации возлагались контрольные функции за деятельностью милиции. Статья 58 Временного положения о сибирской милиции обязывала начальника милиции регулярно представлять отчет о ее деятельности губернскому (областному) комиссару.

В лице милиции комиссары приобрели вооруженный аппарат принуждения. Рост повстанческо-партизанского движения и уголовной преступности способствовал его дальнейшему усилению. Постановлением Совета Министров от 25 февраля 1919 г. МВД было предоставлено право учреждать в губерниях (областях) отряды особого назначения численностью до тысячи человек. В его состав входили конный отряд, пулеметная команда, пехота. Практически это было мобильное воинское соединение [Звягин, 2001, с. 156].

Комендант Перми 28 декабря назначил губернским комиссаром действительного статского советника М. В. Кукаретина. Однако он превысил полномочия, и уже 30 декабря 1918 г. главный начальник края назначил временно исполняющим обязанности пермского губернского комиссара Н. П. Чистосердова, который был помощником уполномоченного по охране государственного порядка и общественного спокойствия в период существования Уральского областного правительства. Первого февраля 1919 г. управляющий губернией временно переехал в Екатеринбург. М.В. Кукаретин был назначен его заместителем. В этой должности он нередко превышал свои полномочия. Об этом свидетельствует телеграмма С.С. Постникова: «Прошу общие вопросы решать предварительно снесясь со мной. Утверждение лиц проводить через меня, равно осведомлять о других назначениях» [ГАПК. Ф.р-746. Оп. 2. Д. 1. Л. 21]. Постановлением Совета министров от 10 января 1919 г. должность комиссара была переименована в управляющего губернией.

В условиях военного положения, которое сохранялось в Пермской губернии в конце 1918 – первой половине 1919 г., управляющий губернией в пределах городской черты имел право закрывать общества и союзы, прекращать стачки и забастовки, воспрещать в полосе военного отчуждения всякого рода собрания, изымать печатные издания, запрещать отдельным лицам пребывание в губернии или выезд из нее, арестовывать подозрительных, а также предавать их военно-полевому суду. Распоряжением Верховного правителя, изданным в декабре 1918 г., на главу местной администрации возлагалась обязанность лично присутствовать при подавлении беспорядков, изучать причины противогосударственного движения, успокаивать население, осведомлять военные власти о размерах народного движения и т.д. Спектр обязанностей управляющего губернией отражен в Почетном рапорте Чистосердова Верховному правителю [ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 122. Л. 123]. В этом документе он дает подробный отчет о состоянии вверенной ему территории: об установлении власти, восстановлении местного самоуправления, разрушениях, продовольствии, образовании, промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении, отношении населения к войскам Сибирской армии.

Одной из самых главных задач управляющего губернией была охрана общественного порядка. Чистосердов требовал от начальников уездной и городской милиции «представлять ежемесячно обзор о состоянии и настроении уезда, в частности, рабочего класса: как проходят работы на заводах, не увеличивается ли число безработных, в каком состоянии находится продовольственный вопрос, взимание налогов, состояние народного здоровья» [ГАПК. Ф. р-753. Оп 1. Д. 1. Л. 73]. Все ходатайства о разрешении съездов и собраний проходили через управляющего Пермской губернией. Он выносил заключение по этому вопросу и представлял его в Министерство внутренних дел. Стоит напомнить, что у главного начальника края были практически те же функции. Более того, сама эта должность учреждалась исключительно с целью охраны общественного порядка на проблемных территориях. Таким образом, если вспомнить, что территория Уральского края практически совпадала с территорией Пермской губернии, то можно сделать вывод о том, что в регионе при Колчаке установилось двоевластие.

Конечно, мы не имеем в виду двоевластие в том смысле, в каком его понимал Л.Д. Троцкий. И совсем не потому, что в регионе не было «непримиримого столкновения классов». Напротив,

социальная напряженность имела место, впрочем, как и всегда в условиях гражданской войны. Общество было дезорганизовано и таило в себе потенциальную опасность для власти. Омск прилагал огромные усилия, чтобы эту опасность нейтрализовать. Вполне резонно, опасаясь социальных волнений, Верховный правитель обратился к практике императорской России по созданию генерал-губернаторств на проблемных территориях. Эти административные образования получили название краев. Они должны были объединять несколько губерний, однако граница Уральского края полностью совпадали с границей Пермской губернии. Вероятно, со временем в него должны были войти новые территории, чего не произошло. И у Уральского края, и у Пермской губернии были свои руководители. Главный начальник края подчинялся Верховному правителю, управляющий губернией – Омскому правительству. При этом у обоих была фактически одинаковая функция – охрана общественного порядка. В определенном смысле такую политическую ситуацию вполне можно назвать двоевластием. Вряд ли допустимо говорить о серьезной конфронтации двух чиновников. Скорее, речь могла идти о незначительных разногласиях, связанных с бюрократическими проволочками. Исходя из этого можно назвать сложившуюся политическую систему коалицией или диархией.

Примечания

- ¹ См.: Буревой К. Колчаковщина. Екатеринбург, 1919; Ракитников Н.И. Сибирская реакция и Колчак. М., 1920.
- ² См.: Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968; Думова М. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982.
- ³ См.: Васьковский О.А. Урал в гражданской войне. Свердловск, 1989; Плотников И.Ф. Героическое подполье. Большевистское подполье Урала и Сибири в годы гражданской войны (1918–1920). М., 1968; Васьковский О.А., Ниренбург Я.Л., Плотников И.Ф., Пожидаева Г.В., Тертышный А.Т. Революция защищается: Взгляд сквозь годы. Свердловск, 1989; О.А.Васьковский, М.А.Молодцыгин, Я.Л.Ниренбург, И.Ф.Плотников, В.С.Скробов. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969; Плотников И.Ф. Во главе революционной борьбы в тылу колчаковских войск. Сибирское (Урало-сибирское) бюро ЦК РКП(б) в 1918–1920 гг. Свердловск, 1989; Горовой Я.Л. Урал в огне революции: Пролетарская революция в Пермской губернии. Пермь, 1967; Капцугович И.С. Прикамье в огне гражданской войны. Пермь, 1969; Абрамовский А.П. Год героической борьбы: Большевистское подполье и партизанское движение в горнозаводских округах Южного Урала в период колчаковщины. Челябинск, 1991.
- ⁴ См.: Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. М., 1983.
- ⁵ См.: Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак: жизнь и деятельность. Ростов н/Д, 1998.
- ⁶ См.: Никитин А.Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М., 2004.
- ⁷ См.: Константинов С. И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург, 1997.
- ⁸ См.: Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Государственное строительство на Урале в 1917–1921 гг. Челябинск, 1997; Семенов А.И. Правоохранительные органы на Южном Урале в годы революций и гражданской войны. Челябинск, 2000; Московкин В.В. Противоборство политических сил на Урале и в Зауралье в период революции и Гражданской войны (1917–1921). Тюмень, 2004.
- ⁹ См.: Обухов Л.А. А.В. Колчак и органы местного самоуправления // Пермский государственный архив новейшей истории. Пермь, 2008; Женина Л.В. Трансформация начал самоуправления в волостных земствах Пермской губернии в условиях гражданской войны // Гражданская война на востоке России. Урал, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток: матер. всерос. науч. конф. Пермь. 25–26 ноября 2008. Пермь, 2008; Довгяло В.Г., Цвикилевич Н.Г. Государственные органы власти белого движения в Пермской губернии в годы гражданской войны // Пермский государственный архив новейшей истории. Пермь, 2008; Тетерин В. И. Отражение политической позиции Пермского земства в «Пермской земской неделе» (февраль 1917 – март 1918 г.) // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2013. Вып. 1 (21); Домовитова П. Я. Институционализация органов местного самоуправления в системе государственной власти А. В. Колчака (по материалам Пермской губернии) // Вестник Пермского университета. Сер.: История. Пермь, 2013. Вып. 1 (21).
- ¹⁰ Последнего, кстати, в советской историографии называли «архитектором и строителем того политического моста, по которому к креслу «верховного правителя» прошел Колчак». Он был одним из создателей режима военной диктатуры. В. Н. Пепеляев писал в своем дневнике: «Мы ответственны (и особенно я) за переворот...» [Иоффе, 1983, с. 164].

Библиографический список

Государственный архив Пермского края. Ф.р.-656. Оп. 1. Д.12; Оп. 1. Д. 8.; Ф.р-746. Оп. 2. Д. 1.; Оп.

2. Д. 1; Ф. р-753. Оп 1. Д. 1.

Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 41, Оп. 1, Д. 122.

Будберг А. Дневник белогвардейца. М., 2001.

Буревой К. Колчаковщина. Екатеринбург, 1919.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М., 2007.

Домовитова П. Я. Институционализация органов местного самоуправления в системе государственной власти А. В. Колчака (по материалам Пермской губернии) // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2013. Вып. 1 (21).

Довгяло В.Г., Цвикилевич Н.Г. Государственные органы власти белого движения в Пермской губернии в годы гражданской войны // Пермский государственный архив новейшей истории. Пермь, 2008.

Женина Л.В. Трансформация начал самоуправления в волостных земствах Пермской губернии в условиях гражданской войны // Гражданская война на востоке России. Урал, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток: матер. всерос. науч. конф. Пермь. 25–26 ноября 2008 г. Пермь, 2008.

Звягин С.П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001.

Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., 1997.

Иоффе Г. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.

Константинов С. И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург, 1997.

Кроль Л. А. За три года. Владивосток. 1921.

Московкин В.В. Противоборство политических сил на Урале и в Зауралье в период революции и Гражданской войны (1917–1921). Тюмень, 2004.

Никитин А.Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М., 2004.

Обухов Л.А. А.В. Колчак и органы местного самоуправления // Пермский государственный архив новейшей истории. Пермь, 2008.

Освобождение России. 1918–1919.

Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак: жизнь и деятельность. Ростов н/Д, 1998.

Свободная Пермь. 1918–1919.

Свод законов Российской империи. Б.м., 1903.

Соболев Г.Л. В поисках новой теории истории // Гуманитарий: ежегодник. 1995. № 1.

Тетерин В. И. Отражение политической позиции Пермского земства в «Пермской земской неделе» (февраль 1917 – март 1918 г.) // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2013. Вып. 1 (21).

Троцкий Л.Д. История русской революции. М., 1997.

Хандорин В.Г. Адмирал Колчак. Правда и мифы. Томск, 2007.

Дата поступления рукописи в редакцию 22.04.2014

THE PROBLEM OF “DUAL POWER” IN THE URALS UNDER THE REGIME OF ALEXANDER KOLCHAK (DECEMBER 1918 – APRIL 1919)

P. Ya. Domovitova

Perm State National Research University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia
domovitova@yandex.ru

The article considers the system of local government in Perm province during the establishment of Kolchak's power. The formation of local government took place under martial law conditions. The society was disorganized and fraught with potential danger to the centre. The Omsk government made efforts to maintain public order in the region. The Supreme Ruler was reasonably afraid of social unrest and therefore appealed to the practice of imperial Russia to establish governorships in problematic areas. Those new administrative units were called regions and were to combine several provinces, but the boundaries of the new Ural region fully coincided with the boundaries of Perm province. Probably it was planned to include new territories into the region later but it never happened. As a result, the region got two heads with similar power: the manager of the province under the Omsk government's control and the superior of the region who subordinated directly to the Supreme Ruler. Both officials had the same function of protection of public order. In a sense, the political situation may be described as dual power but it is hardly possible

to speak of serious confrontations between the two officials. Rather, there could be minor disputes related to bureaucratic delays. Therefore it is possible to define the analyzed political system as coalition or diarchy.

Key words: Alexander Kolchak, the Civil War, Perm province, Ural region, dual power.

References

- Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraia. F.r.-656. Op. 1. D.12; Op. 1, D. 8.; F.r.-746. Op. 2. D. 1.; Op. 2. D. 1; F. r-753.Op 1. D. 1.
TsDOOSO. F. 41, Op. 1, D. 122.
Budberg A. Dnevnik belogvardeytsa. M., 2001.
Burevoy K. Kolchakovshchina. Ekaterinburg, 1919.
Gins G.K. Sibir', soyuzniki i Kolchak. M., 2007.
Domovitova P. Ya. Institutsionalizatsiya organov mestnogo samoupravleniya v sisteme gosudarstvennoy vlasti A. V. Kolchaka (po materialam Permskoy gubernii) // Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya. 2013. Vyp. 1 (21).
Dovgvalo V.G., Tsvikilevich N.G. Gosudarstvennye organy vlasti belogo dvizheniya v Permskoy gubernii v gody grazhdanskoj vojny // Permskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii. Perm', 2008.
Zhenina L.V. Transformatsiya nachal samoupravleniya v volostnykh zemstvakh Permskoy gubernii v usloviyakh grazhdanskoj vojny // Grazhdanskaya vojna na vostoке Rossii. Ural, Povolzh'e, Sibir', Dal'niy Vostok: mater. vseros. nauch. konf. Perm'. 25–26 noyabrya 2008. Perm', 2008.
Zvyagin S.P. Pravoohranitel'naya politika A. V. Kolchaka. Kemerovo, 2001.
Il'in V. V., Akhiezer A. S. Rossiyskaya gosudarstvennost': istoki, traditsii, perspektivy. M., 1997.
Ioffe G. Kolchakovskaya avantюра i ee krakh. M., 1983.
Konstantinov S. I. Vooruzhennye formirovaniya protivobol'shevistskikh pravitel'stv Povolzh'ya, Urala i Sibiri v gody grazhdanskoj vojny. Ekaterinburg, 1997.
Krol' L. A. Za tri goda. Vladivostok, 1921.
Moskovkin V.V. Protivoborstvo politicheskikh sil na Urale i v Zaural'e v period revolyutsii i Grazhdanskoj vojny (1917–1921). Tyumen', 2004.
Nikitin A.N. Gosudarstvennost' «beloy» Rossii: stanovlenie, evolyutsiya, krushenie. M., 2004.
Obukhov L.A. A.V. Kolchak i organy mestnogo samoupravleniya // Permskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii. Perm', 2008.
Osvobozhdenie Rossii. 1918–1919.
Plotnikov I. F. Aleksandr Vasil'evich Kolchak: zhizn' i deyatel'nost'. Rostov n/D, 1998.
Svobodnaya Perm'. 1918–1919.
Svod zakonov Rossiyskoj imperii. B.m., 1903.
Cobolev G.L. V poiskakh novoy teorii istorii// Gumanitariy: ezhegodnik. 1995. № 1.
Teterin V. I. Otrazhenie politicheskoy pozitsii Permskogo zemstva v «Permskoy zemskoy nedele» (fevral' 1917 – mart 1918 g.) // Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya. 2013. Vyp. 1 (21).
Trotsky L.D. Istoriya russkoj revolyutsii. M., 1997.
Khandorin V.G. Admiral Kolchak. Pravda i mify. Tomsk, 2007.